

Лингвокогнитивные механизмы языкотворчества в современной английской фразеологии в перспективе дискурсивной интерпретации знания

Е. В. Рыжкина

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
phraseology@mail.ru*

Аннотация. Цель исследования – изучить и описать лингвокогнитивные механизмы, которые обуславливают процесс языкотворчества в английской фразеологии в ходе дискурсивной деятельности человека. В статье применяется метод когнитивного моделирования семантики неологизмов на базе английских фразеологических единиц, частотных в современных формах медиа дискурса. В ходе исследования установлено, что фразеологическая креативность может рассматриваться как проявление интерпретирующей функции языка, ибо через модификацию существующих единиц языка и образование новых носитель языка форматирует и объективирует обновленный опыт познания мира. В работе показано также то, что в каждом акте языкотворчества происходит уплотнение информации, передаваемой в дискурсе обновленными единицами.

Ключевые слова: английская фразеология, креативность, дискурсивная интерпретация, лингвокогнитивный механизм, неологизм

Для цитирования: Рыжкина Е. В. Лингвокогнитивные механизмы языкотворчества в современной английской фразеологии в перспективе дискурсивной интерпретации знания // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 12 (906). С. 113–121.

Original article

Linguocognitive Mechanisms of Idiom Creativity in Modern English Phraseology in the Perspective of Discursive Interpretation of Knowledge

Elena V. Ryzhkina

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
phraseology@mail.ru*

Abstract. The article aims to look into the workings of discursive creativity of English idioms in terms of linguistic interpretation of knowledge. The study is focused on the linguocognitive mechanisms that underlie the formation and renovation of English idiomatic neologisms that stem from codified idioms selected from modern media discourse. Cognitive modeling of their semantics shows that idiom creativity manifests the interpretative function of language, for renovation of phraseology serves to reform knowledge structures in accordance with man's cognitive experience; it also entails further condensation of information conveyed by the idiomatic units in discourse.

Keywords: English phraseology, idiom creativity, discursive interpretation, linguocognitive mechanism, neologism

For citation: Ryzhkina, E. V. (2025). Linguocognitive Mechanisms of Idiom Creativity in Modern English Phraseology in the Perspective of Discursive Interpretation of Knowledge. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(906), 113–121. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Вопросы языкотворчества во фразеологии рассматривались лингвистами и филологами фактически с момента возникновения исследовательского интереса к данной микросистеме языка. Изначально творческие процессы во фразеологии изучались в плане их художественно-эстетического потенциала. Вместе с тем постепенное расширение предметно-объектной области исследований фразеологической креативности выявило сложность и многогранность данного явления и обозначило перспективы его исследования на современном этапе. Так, в русле когнитивно-дискурсивной парадигмы языкотворчество рассматривается сквозь призму познавательной и речемыслительной деятельности человека, и с этой точки зрения изучение творческих процессов в языке и, в частности, процессов во фразеологии направлено главным образом на решение следующих общих задач:

- 1) установление когнитивных и языковых механизмов порождения новых смыслов в ходе языкотворчества;
- 2) познание способов воплощения этих новых смыслов в рече-языковых формах;
- 3) поиск общих моделей вторичной интерпретации знания о мире в актах языкотворчества.

В настоящей работе освещаются лингвокогнитивные механизмы, лежащие в основе дискурсивной интерпретации знаний. Эти механизмы находят отражение в процессах языкотворчества. Они, в свою очередь, актуализируются в сфере английской фразеологии. В задачи исследования входит, во-первых, изучение когнитивных механизмов фразеологической креативности, которое проводится посредством концептуального анализа на основе методов, восходящих к известным авторским когнитивным концепциям языка [Fauconnier, 2003; Lakoff, 1980; Langacker, 1991]. Во-вторых, действие механизмов когнитивного уровня соотносится с семантическими процессами, которые формируют новые значения на языковом уровне. Для решения данной задачи применяется концептуально-дефиниционный анализ, который соединяет традиционные и когнитивно ориентированные приемы и методы, характерные для современных фразеологических исследований.

В целом отражая когнитивный ракурс изучения языка, данная работа является одной из первых попыток непосредственно установить корреляцию когнитивных и языковых процессов, лежащих в основе языкотворчества во фразеологии. Данный подход позволяет проследить динамику формирования новых концептуальных структур и соответствующих языковых значений и следовательно,

лучше понять суть взаимодействия языка и мышления. Это определяет актуальность изучения фразеологической креативности именно в когнитивном ракурсе, а также перспективность подобных исследований на различном языковом материале.

Современные исследования фразеологической креативности, как правило, сосредоточены либо на результатах языкотворчества (в исторической или в неологической перспективе), либо на самом творческом процессе фразообразования. Например, ряд ученых рассматривают креативность во фразеологии как метафорический процесс [Langlotz, 2006; Зыкова, 2015].

Разделяя положение о том, что языковая креативность любого рода обусловлена креативностью мышления [Langacker, 1991; Зыкова, 2015], мы полагаем, что не меньшую роль в языкотворчестве играют системно-языковой и дискурсивный факторы. Действие лингвокреативного мышления опирается на определенные языковые механизмы и номинативные средства, сложившиеся в языке, в связи с этим когнитивные механизмы и соответствующие процессы на языковом уровне рассматриваются в данной работе параллельно. Кроме того, реализация творческой потребности человека, которая провоцирует языковые новации, наступает в ходе речевой деятельности в той форме существования языка *in praesentia*, в которой получают воплощение потенции языка как системы и обретаются языковые решения конкретных коммуникативных задач субъекта речи. Поэтому исследователю интересны не только продукты языкотворчества, которые уже оформились как факты языка, но и проявления языковой креативности в условиях *динамической синхронии*, т.е. в ситуации, когда текущее состояние варьирования языковых форм / значений видится встроенным в динамику поступательного развития языка [Рыжкина, 2018].

Таким образом, в качестве объекта данного исследования выступают разного рода новообразования в английской фразеологии (в целом 500 единиц) – неологизмы и окказионализмы, которые демонстрируют тенденцию к воспроизводимости в современных дискурсивных практиках.

МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ СМЫСЛА В ДИСКУРСЕ

Как известно, формирование знания, или *интерпретация*, происходит при непосредственном участии языка. Одним из первых сформулировал данное положение выдающийся русский филолог и мыслитель А. А. Потебня (1835–1891), к трудам которого восходит отечественная фразеологическая традиция: «На слово нельзя смотреть как на выражение

готовой мысли <...> слово есть выражение мысли лишь настолько, насколько служит средством к ее созданию»¹ [Потебня, 1999, с. 165]. Говоря о невозможности возникновения «готовых» мыслей без языковой объективации, Е. С. Кубрякова поясняет, что они получают завершенность только через «постепенное языковое оформление в ходе порождения речи» [Кубрякова, 2004, с.14]. В результате конструируется «языковой» образ мира как «проекция мира в коллективно-языковое или индивидуально-языковое сознание человека» [Болдырев, 2014, с. 21].

Языковая интерпретация знания проходит в три этапа. На первом формируется коллективная картина мира, «выделение единиц знания (концептов) с помощью языка и их объединение в категории с общим языковым обозначением» [Болдырев, 2014, с. 21]. Вторичная, индивидуальная, интерпретация представляет собой обработку коллективных знаний сквозь призму «индивидуальной концептуальной системы конкретного человека» [там же, с. 23]. Итогом этих процессов является создание системы концептов, «отображенной в языковой системе и представленной в двух формах – коллективно отработанной и индивидуально-креативной» [Беляевская, 2016, с. 20]. Вместе с тем индивидуально-креативный аспект интерпретации знаний далее реализуется в ходе дискурсивной деятельности. Продуктом этого *дискурсивного* этапа языковой интерпретации знания является авторский текст, в котором отражается «заданное индивидуальное мировидение, содержащее индивидуально-авторскую оценку» [там же, с. 21].

Текст как реализация смыслового содержания, вложенного автором в языковую форму, кодирует информацию таким образом, чтобы реципиент мог реконструировать заданное содержание, опираясь на семантику языковых средств, использованных в тексте, и на собственную эрудицию. Так как языковая интерпретация знания обязательно включает индивидуально-креативный компонент, а системы знаний автора и получателя сообщения полностью не совпадают, то исходный, авторский смысл и его «расшифровка» в интерпретации реципиента не будут тождественны. Однако интерпретация зиждется на типовых схемах и осуществляется посредством универсальных когнитивных механизмов, которые обеспечивают конструирование смысла, в том числе при дискурсивной интерпретации. К ним можно отнести механизмы концептуальной интеграции, схематизации, фокусирования / дефокусирования, концептуальной метафоры, метонимии, символизации и др.

¹ Данное утверждение вполне резонирует с известной метафорой Е. С. Кубряковой: объективация мысли не означает «одевание» готовой мысли в языковые одежды» [Кубрякова, 2004, с. 14].

В ходе языковой интерпретации знания, его форматирования, концептуализации и формирования семантики языковых / речевых единиц действие когнитивных механизмов «запускает» соответствующие процессы на языковом уровне. Так, действие когнитивной метафоры реализуется как метафорическое переосмысление значения той или иной единицы языка, скажем, при образовании фразеологизма или же как противоположно направленный семантический процесс – буквализация переносного значения единицы в дискурсе. Механизм схематизации, обеспечивающий необходимую степень детализации знания, в языковом преломлении предстает как расширение / обобщение или, напротив, сужение / специализация значения.

Механизм *компрессии* (от лат. *compressio* – *сжатие*) в широком толковании подразумевает упрощение, сокращение формы при сохранении исходного содержания. Применительно к языку компрессия предстает, прежде всего, как средство экономии языковых усилий и, в частности, проявление лаконизации высказывания. Как когнитивный механизм компрессия обеспечивает сжатие информации и возможность ее передачи путем выбора лаконичных языковых форм.

Именно механизм компрессии обеспечивает высокую информативность фразеологического знака, его способность передавать большой объем информации в компактной языковой форме, а также во многом обуславливает творческие преобразования структуры и семантики имеющихся в системе фразеологизмов, вплоть до образования на их основе новых единиц языка. Действие компрессии проявляется как при первичной фразеологизации, когда создается уникальное, невыводимое значение фразеологизма с характерной для него расширенной семантической периферией, так и в процессе последующих творческих преобразований фразеологических единиц (ФЕ). При этом смысловое наполнение обновляемой единицы как бы конденсируется и прирастает новым смыслом. Механизм компрессии в языкотворчестве на базе фразеологии требует отдельного, более детального рассмотрения.

МЕХАНИЗМ КОМПРЕССИИ ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ РАКУРСЕ

Способность идиоматических средств языка «замещать массу разнообразных мыслей относительно небольшими умственными величинами», подметил еще А. А. Потебня [Потебня, 2012, с.103]. В частности, в своих «Очерках по теории словесности» ученый демонстрирует данный принцип «сгущения мысли» на примере единиц афористического уровня. Он

показывает, что пословица генетически восходит к басне, а поговорка – к пословице или непосредственно к басне. Именно поэтому исследователи вслед за В. Н. Телия нередко называют фразеологизм «микротекстом» или «свернутым текстом», т. к. в процессе концептуализации знания фразеологическая семантика вбирает все типы информации, «характерные для отображения ситуации в тексте, но представленные во фразеологизмах в виде “свёртки”, готовой к употреблению как текст в тексте [Телия, 1996, с. 8]).

Будучи информационно емким знаком и носителем различных типов информации, фразеологизм формируется и интерпретируется в пространстве определенной культуры [Телия, 1996; Ковшова, 1999]). Фразеологический знак не просто кодирует «пакет» информации, соотносимый с неким фрагментом действительности, но и отражает культурное знание, включая образы, импликации и коннотации, возникающие в связи с обозначаемым объектом в контексте данной культуры. Это знание активируется в дискурсе звуковой / графической формой фразеологизма, проходя «сквозь фильтр ментальности говорящего и слушающего» [Ковшова, 1999, с. 164]. Таким образом, семантика ФЕ изначально формируется и впоследствии «развертывается» в дискурсе в ходе многоуровневой языковой интерпретации знания. Причем в каждом акте дискурсной интерпретации фразеологизм прирастает новым знанием – дополнительный смысл как бы наслаивается на нормативное значение оборота.

При употреблении в дискурсе инвариантное знание, закрепленное за фразеологизмом в системе языка, может варьироваться с обеих сторон. Эти смысловые вариации возникают благодаря действию механизма смысловых замен, который, позволяет автору текста и адресату соотнести релевантный фрагмент картины мира с личным знанием и интерпретировать используемые единицы языка, насыщая их индивидуальными смыслами.¹

В силу своей информационной насыщенности и одновременно афористичности фразеологизмы нередко уподобляются таким литературным формам, как притча, басня или сказка. Так, ФЕ-аллюзии на какой-либо известный текст, служат отсылкой к соответствующему знанию. Например, библеизм *writing on the wall* (зловещее предзнаменование)² кодирует значимое для англоязычной культуры содержание библейского текста о пире царя Валтасара³ и, что

особо важно, культурные коннотации, отражающие ценности носителей английского языка. В данном случае идиома транслирует важный смысл о неизбежности расплаты за беспечность. Импликат этой единицы содержит мысль о том, что человек часто сам является творцом собственной гибели, особенно если он игнорирует очевидные признаки надвигающейся опасности и не слышит предупреждения. Следует особо отметить, что ценностный смысл, вложенный в семантику идиомы *writing on the wall* как результат интерпретации текста Библии выкристаллизовался именно в лоне англоязычной культуры с ее культом благоразумия и чувства ответственности. Для сравнения: в русском языке отсутствует аналогичный фразеологизм, восходящий к тому же источнику, что косвенно указывает на актуальность данного текста и его нравственного смысла для носителей английского языка и на нейтральное отношение к нему в русской культуре.

Способность столь компактной языковой формы кодировать обширный объем знания обусловлена механизмом компрессии, который реализуется на языковом уровне в действии фразеологической абстракции. Под абстракцией понимается отвлечение от лексических и грамматических значений компонентов фразеологизма, от значения его синтаксической конструкции и / или словосочетания в целом [Мелерович, 1982]. Для идиом характерна вторичная абстракция: «абстракция от абстракции прототипов фразеологизмов» [Кунин, 1996, с. 165]. В ходе фразеологизации сочетание слов, послужившее генетической базой ФЕ (прототип), приобретает осложненное, невыводимое в полной мере значение, которое не соотносится напрямую ни с одним из компонентов оборота. Чем выше уровень абстракции, тем более затемненным является фразеологическое значение [Мелерович, 1982] и, очевидно, тем выше уровень семантической компрессии ФЕ.

Образность как мотивационный компонент фразеологической семантики запускает процесс инференции, вывода знаний, стоящих за идиоматическим выражением. Например, внешняя форма оборота *when pigs fly* (рус. *когда рак на горе свистнет*, т. е. никогда) создает в нашем сознании чувственный образ, который интерпретируется нами как нечто совершенно невозможное в реальной жизни. Импликация «этого не будет никогда» (а не сам образ) становится концептуальным основанием соответствующего фразеологического значения «никогда». Данный пример показывает, что смысловое содержание, представленное фразеологическим знаком в свернутом виде, нуждается в когнитивной обработке, чтобы быть доступным для восприятия.

¹Залевская А. А. Введение в психолингвистику. М.: РГГУ, 2000.

²Зд. перевод приведен по: Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Русский язык Медиа, 2006. С. 1024.

³“And this is the writing that was written, MENE, MENE, TEKEL, UPHARSIN.” Приводится по: King James Version, Daniel 5:25. URL: <https://biblehub.com/esv/daniel/5.htm> (дата обращения: 22.03.2025).

Вместе с тем непрямым характер фразеологической номинации является источником другого имманентного свойства ФЕ – экспрессивности, позволяющей создать яркое представление об объекте, дать ему меткую и точную характеристику. Воздействуя на область чувств, экспрессивность приводит в действие наглядно-образное мышление и служит своего рода катализатором работы нашего сознания при восприятии фразеологизма.

Механизм компрессии обуславливает оба свойства фразеологической семантики, которые представляются разнонаправленными: с одной стороны, информационная насыщенность и «сгущение» смысла, а с другой – яркость и выразительность лаконичной формы, обеспечивающие доступ к релевантному знанию. Кроме того, изобразительно-выразительные качества большинства фразеологизмов дают простор для их индивидуальной интерпретации, результаты которой воплощаются в разнообразных формах речевой креативности.

МЕХАНИЗМЫ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ КРЕАТИВНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ

В ходе языкотворчества уравниваются стремление говорящего максимально полно выразить новое смысловое содержание и соблюсти закон экономии языковых усилий. В большинстве случаев автор творчески использует имеющиеся в языке средства выражения, насыщая их новыми смыслами. Этот творческий процесс предполагает среди прочего действие механизма компрессии. Из сказанного следует, что преобразованный знак будет по умолчанию иметь компрессионную семантику, в которой будет отражаться 1) информация, закрепленная за конвенциональным знаком, и 2) ее новая интерпретация. То есть любое творческое использование фразеологизмов неизбежно приводит к усложнению их семантической области. Это становится наиболее очевидным при фразеологической деривации, в ходе которой на базе уже существующей единицы образуется новая. В итоге происходит увеличение информационной емкости нового фразеологического знака, т.к. все релевантное знание, связанное с его прототипом, переносится в имплицит деривата.

К примеру, на основе идиомы *glass ceiling* (букв. «стеклянный потолок», невидимый барьер на пути к руководящим позициям¹), которая была введена в оборот в 1970-х гг. для обозначения предубеждений и дискриминационных практик в отношении

женщин, возник неологизм *glass cliff* (тенденция выдвигать женщин на руководящие должности во времена кризиса, рецессии или особых трудностей, переживаемых компанией²). Исходная идиома явилась результатом метафоризации и символизации: образ стекла передает идею невидимого, но непроницаемого препятствия, а *ceiling* – идею предела возможного продвижения наверх (ср. рус.: *Выше потолка не прыгнешь*). Хотя данная единица впоследствии претерпела расширение значения и теперь может относиться к любым категориям людей, подвергающихся дискриминации на рабочем месте, ее дериват *glass cliff* унаследовал у прототипа конструкцию и способ переосмысления и сохранил неизменной референцию – неравноправие и уязвимость женщин в корпоративной среде.

Вместе с тем дериват не просто продолжает образный план ФЕ *glass ceiling*, но и, по сути, выстраивает новый метафорический образ. Если изначально образ стеклянного потолка порождает ассоциации с барьером на пути вверх, новый образ (*cliff* – крутой обрыв, отвесная скала) наводит на мысль о крайне трудном и опасном восхождении. Кроме того, новая метафорическая проекция заставляет переосмыслить образ стекла, меняя его символическое значение. В новой номинации акцентируется признак абсолютно гладкой и скользкой поверхности, на которой трудно удержаться без опоры и, наоборот, с которой легко сорваться вниз. В результате вновь образованный оборот фигурально передает идею о продвижении женщины на пост, где ей заведомо предназначена роль неудачницы. Данный вариант дискриминации представляется более тонким и коварным, нежели обычные способы устранения женщин с первых позиций. Таким образом, неологизм *glass cliff* воспринимается не только как новый знак, но и как модификация устоявшегося фразеологизма, развивающая и углубляющая его смысл.

Еще один неологизм *glass labyrinth* (букв. «стеклянный лабиринт») следует схожей модели вторичной интерпретации исходного концепта. Однако в данном случае концептуальная метафора КАРЬЕРА – это ДВИЖЕНИЕ осмысливается не как путь наверх, а как извилистый и запутанный путь к цели. Как и в предыдущем случае, в данном новообразовании наблюдается перепрофилирование смысловой структуры: ее фокус смещается с признака «выставленный барьер» (хоть и невидимый) на признак «труднопреодолимые сложности», а именно «крайне сложная навигация» и «дезориентация», которые интенсифицируются благодаря

¹Перевод наш (Е. Р.) дефиниции, приведенной ресурсом The Free Dictionary, Thesaurus and Encyclopedia by Farlex. URL: <http://thefreedictionary.com/> (дата обращения 22.03.2025).

²Перевод наш. – Е. Р. Дефиниции приведены по: Investopedia. URL: <https://www.investopedia.com/terms/g/glass-cliff.asp.com/terms/g/glass-cliff.asp> (дата обращения 22.03.2025).

новой интерпретации образа стекла. Стекло – прозрачный материал, и это создает иллюзию полной видимости и легкости ориентации, хотя на практике это оказывается не так.

Последний в данной серии неологизмов оборот *concrete ceiling* (букв. «бетонный потолок») был создан по контрастной аналогии с ФЕ *glass ceiling* и построен на метафорическом образе бетона как очень прочного и простого, «грубого» материала. Данная единица обозначает барьер на пути к повышению по службе, с которым сталкиваются женщины, представляющие национальные меньшинства. При формировании семантики неологизма *concrete ceiling* снова задействуются механизмы концептуальной метафоры, символизации, схематизации (в данном случае вызывающей сужение значения), а также профилирования. В новой концептуальной структуре акцентируется признак абсолютной непреодолимости возведенного препятствия и одновременно – неприкрытый характер дискриминации.

Таким образом, при фразеологической деривации по аналогии воспроизводится конструкция прототипа (модель соединения формы и содержания) и исходная концептуальная схема, в которую при каждом новом акте языковой интерпретации вносятся изменения посредством различных когнитивных механизмов. Они, в свою очередь, приводят в движение семантические процессы. Необходимо подчеркнуть, что языкотворчество всегда сопровождается уплотнением и приращением передаваемой информации, т.е. действием механизма компрессии. Если происходит серия преобразований на базе одной и той же единицы, плотность семантики возрастает с каждым последующим дериватом, т.к. вновь образованный вариант ФЕ передает и новое содержание, и знания, закрепленные за исходной единицей, а также «хранит память» о всех предшествующих модификациях значения ФЕ. Иначе говоря, на каждом этапе деривации от единого фразеологического прототипа происходит приращение и конденсация смыслового содержания по принципу матрешки.

Благодаря преемственной связи между дериватом и его прототипом знание, закрепленное за исходной единицей, в сжатой форме переносится на производный знак, образуя его имплицитную структуру, в то время как более актуальная информация, которая находится в фокусе новой номинации, обычно соотносится с новым компонентом деривата, хотя и не эксплицируется им полностью. В дискурсе происходит естественное семантическое развертывание нового смысла, в частности, за счет взаимодействия новообразования с элементами текста и активизации фрагментов релевантного знания.

Так, на базе ФЕ *glass ceiling* возник ряд глагольных новообразований, которые моделируют поведение человека в случаях социальной дискриминации. Первым был создан оборот *to hit the glass ceiling* (букв. «удариться о стеклянный потолок», достичь предела карьерного роста). При формировании семантики этой единицы (как и других глагольных оборотов серии) особенно заметную роль сыграли механизмы концептуальной интеграции и перспективизации. В результате взаимодействия исходной концептуальной структуры (*glass ceiling*) с концептуальными элементами глагола формируется бленд, на основе которого создается новое значение, причем новый образ конструируется с учетом перспективы / позиции человека. Также буквализация компонентов именной фразы акцентирует такие элементы смысла, как прочность стекла, сила и болезненность удара о него. Эти элементы нередко выдвигаются на первый план в ходе дискурсивной реализации оборота. Например:

Few people who *hit the glass ceiling* are inclined to go through the additional pain of a complaint to the government¹.

Фокусом данной дискурсивной интерпретации является болезненность удара о барьер корпоративных предрассудков и отказ от борьбы с ними.

В медиа дискурсе наблюдается высокая вариативность глагольного компонента данной единицы. Одним из наиболее частотных вариантов является глагол *to break*. Ниже приводится один из типичных контекстов дискурсивного употребления окказионализма *to break the glass ceiling*.

The senator is aiming *to break the biggest glass ceiling* in the world with her bid to become the President of the United States of America².

В данной дискурсивной интерпретации задается радикально иная перспектива: человек из жертвы, которую «бьет система», превращается в активного борца с системой. С этим связан и оценочный модус интерпретации, ибо выражение *to break the glass ceiling* несет в себе положительную оценку, отражающую ценности современного либерально настроенного общества.

Из всего многообразия окказиональных вариантов, которые возникли на основе ФЕ *glass ceiling*, стоит рассмотреть еще два, достаточно регулярно воспроизводимые в современном

¹Cambridge Academic Content Dictionary. Cambridge University Press. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru> (дата обращения 22.03.2025).

²The Free Dictionary, Thesaurus and Encyclopedia by Farlex. URL: <http://thefreedictionary.com/> (дата обращения 22.03.2025).

медиа дискурсе – *to shatter the glass ceiling* и *to put a crack in the glass ceiling*. Данные варианты отличаются друг от друга и от прототипа степенью интенсивности основного признака. Данная модель вариативности сложилась вследствие процесса буквализации и одновременной актуализации двух значений компонента *to break* исходного оборота – «разбить» (стекло) и «преодолеть» (барьер). Замена компонента *to break* на *to shatter* или *to put a crack* преобразует структуру метафорического образа и, как следствие, привносит в исходную концептуальную структуру градуируемый признак «сила удара», а также модифицирует связанный с ним признак «результативность». Итогом этих актов схематизации является сужение фразеологического значения дериватов. Если прототип *to break the glass ceiling* акцентирует положительный результат вследствие удара достаточной силы, то *shatter the glass ceiling* (букв. «разбить стеклянный потолок вдребезги») передает идею сверхмощного удара и полного разрушения; *put a crack in the glass ceiling* (букв. «сделать трещину в стеклянном потолке»), с одной стороны, активизирует признак «прочность стекла», а, с другой – указывает на недостаточность усилий для полного результата.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в ходе исследования было показано, что фразеологизмы и языкотворчество с их участием являются важным инструментом вторичной языковой интерпретации знания. Она позволяет формировать и заново формировать структуры знаний в ходе познавательной деятельности человека. Соответственно фразеологическая креативность дает возможность оформить и передать в компактной форме новые представления человека о мире и действительности, в которой он живет.

Важным наблюдением, сделанным в ходе исследования, стало то, что действие когнитивных механизмов, таких как концептуальная метафора, символизация, профилирование, схематизация, концептуальная интеграция, перспективизация и др., которые обуславливают вторичную языковую интерпретацию знания, представленного фразеологизмами, всегда сопровождается действием механизма компрессии, т.е. уплотнением и конденсацией передаваемой информации. В связи с этим любой дериват, возникший на базе фразеологизма, характеризуется более высокой информационной насыщенностью, нежели его прототип.

Выявленные когнитивные механизмы, действующие в различной комбинации, в свою очередь, обуславливают семантические процессы. Эти процессы позволяют языковым знакам выполнять интерпретирующую функцию и в итоге могут привести к полному переосмыслению значения ФЕ-прототипа, его расширению или сужению, замене / добавлению отдельных компонентов значения и т. д.

Творческое преобразование фразеологизма происходит в ходе дискурсивной деятельности человека, в той естественной среде, где реализуются потенциальные возможности ФЕ как информативной единицы и где она включается в общий процесс дискурсивной интерпретации. Технически это осуществляется за счет взаимодействия фразеологизма и / или его отдельных компонентов со смысловыми элементами текста, что активизирует структуры знания и запускает процесс их новой интерпретации.

Продemonстрированная методика может быть использована для изучения лингвокогнитивных механизмов языкотворчества в других системах и сегментах английского языка и на материале других языков.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Fauconnier G., Turner, M. The way we think: conceptual blending and the mind's hidden complexities. Basic Books, 2003.
2. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by. Chicago: The University of Chicago Press, 1980.
3. Langacker, R. W. Foundations of cognitive grammar: in 2 vols. Stanford, CA: Stanford University Press, 1991. V. 2: Descriptive application.
4. Langlotz A. Idiomatic Creativity: A Cognitive-Linguistic Model of Idiom-Representation and Idiom Variation in English. Amsterdam-Philadelphia, 2006.
5. Зыкова И. В. Концептосфера культуры и фразеология. Теория и методы лингвокультурологического изучения. М.: ЛЕНАНД, 2015.
6. Рыжкина Е. В. Фразеологическая креативность в английском языке в условиях динамической синхронии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 13 (807). С. 245–258.
7. Потебня А. А. Мысль и язык. М.: Лабиринт, 1999.

8. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.
9. Болдырев Н. Н. Интерпретация мира и знаний о мире в языке // Когнитивные исследования языка. 2014. Вып. 19. С. 20–28.
10. Беляевская Е. Г. Дискурсивная интерпретация и реинтерпретация знаний о мире в языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2016. Вып. 19 (758). С. 18–27.
11. Потебня А. А. Из лекций по теории словесности: басня, пословица, поговорка. М.: URSS, КРАСАНД, 2012.
12. Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
13. Ковшова М. Л. Как с писаной торбой носиться: принципы когнитивно-культурологического исследования идиом // Фразеология в контексте культуры/ Российская академия наук, Институт языкознания, проблемная группа «Общая фразеология»: сборник статей / отв. ред. В. Н. Телия. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 164–173.
14. Мелерович А. М. Смысловая структура фразеологических единиц в современном русском языке как лингвистическая проблема: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1982.
15. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка: М.: Высшая школа; Дубна: Феникс, 1996.

REFERENCES

1. Fauconnier, G., Turner, M. (2003). The way we think: conceptual blending and the mind's hidden complexities. Basic Books.
2. Lakoff, G., Johnson, M. (1980). Metaphors We Live by. Chicago: The University of Chicago Press.
3. Langacker, R. W. (1991). Foundations of cognitive grammar (vol. 2: Descriptive application): in 2 vols. Stanford, CA: Stanford University Press.
4. Langlotz, A. (2006). Idiomatic Creativity: A Cognitive-Linguistic Model of Idiom-Representation and Idiom Variation in English. Amsterdam–Philadelphia.
5. Zykova, I. V. (2015). Kontseptosfera kul'tury i frazeologiya. Teoriya i metody lingvokul'turologicheskogo izucheniya = Conceptual sphere of culture and phraseology. Theory and methods of linguocultural study. Moscow: LENAND Publ. (In Russ.)
6. Ryzhkina, E. V. (2018). Idiom creativity in modern English in the perspective of dynamic synchrony. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(807), 245–258. (In Russ.)
7. Potebnya, A. A. (1999). Mysl' i yazyk = Thought and Language. Moscow: Labirint Publ. (In Russ.)
8. Kubryakova, E. S. (2004). Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira = Language and knowledge: On the way to acquiring knowledge of language: Parts of speech from the cognitive perspective. The role of language in cognizing the world. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ. (In Russ.)
9. Boldyrev, N. N. (2014). Interpretation of the world and world knowledge of language. Cognitive Studies of Language, 19, 20–28. (In Russ.)
10. Belyaevskaya, E. G. (2016). Interpretating and Reinterpretating the Knowledge of the World in Discourse: a Typology. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 19(758), 18–27. (In Russ.)
11. Potebnya, A. A. (2012). Iz lektsii po teorii slovesnosti: basnya, poslovitsa, pogovorka = Lectures on the Theory of Language Arts: fable, proverb, saying. Moscow: URSS, KRASAND Publ. (In Russ.)
12. Teliya, V. N. (1996). Russkaya frazeologiya: semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty = Russian phraseology: semantic, pragmatic and linguocultural aspects. Moscow: Shkola "Yazyki russkoy kul'tury" Publ. (In Russ.)
13. Kovshova, M. L. (1999). Kak s pisanoy torboy nosit'sya: Principles of cognitive-cultural study of idioms. Phraseology in the context of culture (pp. 164–173). Moscow: "Yazyki russkoy kul'tury" Publ. (In Russ.)
14. Melerovich, A. M. (1982). Smyslovaya struktura frazeologicheskikh edinit v sovremennom russkom yazyke kak lingvisticheskaya problema = Meaning structure of phraseological units in modern Russian as a linguistic problem: abstract of Senior Doctoral thesis in Philology. Leningrad. (In Russ.)
15. Kunin, A. V. (1996) A Course of Modern English Phraseology. Moscow, Vysshaya Shkola Publ.; Dubna, Feniks Publ. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рыжкина Елена Викторовна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры лексикологии английского языка
факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ryzhkina Elena Viktorovna

PhD in Philology, Associate Professor
Associate Professor at the Department of English Lexicology
Faculty of the English Language
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	12.08.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	10.09.2025	approved after reviewing
принята к публикации	06.10.2025	accepted for publication